

Лютц-Дитер Берендт
(Лейпциг)

ВКЛАД ИСТОРИКОВ
В РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ СССР
В КОНЦЕ 20-ЫХ И 30-ЫХ ГОДОВ

Уже в первых внешнеполитических документах советского государства выразилось стремление установить культурные связи с зарубежными странами, например в приложении к договору о перемирии с Германией и её союзниками с 15.12.1917 г. Советская сторона исходила из того, что отношения между деятелями культуры и науки всегда имеют политическое значение. Они помогают преодолеть недоверие между государствами и содействуют приближению народов.

В сложной внешнеполитической ситуации первой половины 20-х годов, когда большинство правительств капиталистических стран отказалось от дипломатического признания Советской России, прокладывание первых научных контактов с заграницей приобретало особое значение. Первые буржуазные учёные, которые посещали советскую страну и стремились установить связи с советскими учреждениями и учёными, были во многих странах первыми кроме коммунистов и других передовых сил, признавали советскую власть. К ним принадлежали, например, французский славист Андре Мазон и американский историк Франк Альфред Гольдер. Установившие буржуазными учёными отношения с советской наукой объективно были определённым вкладом в подготовку условий для установления дипломатических отношений.

Молодая советская историческая наука видела в международных научных отношениях средство укрепления политики мирного сосуществования с капиталистическими странами. Результатами своих достижений историки хотели содействовать в повышению международного авторитета Советского государства. Конечно, отношения

с исторической наукой за границы были и в пользу самой советской науки. Они создали лучшие возможности распространения исследовательских достижений советских историков в иностранных переводах, облегчали информацию об исследовательских тенденциях, направлениях и планах иностранной исторической науки.

В различии с другими науками, в области истории контакты с иностранными учёными только медленно складывались. По мере того, как марксистская историческая наука завоевала позиции в Советском Союзе и показала научную плодотворность оригинальными исследованиями, возрастали её возможности в международной действительности.

В первое десятилетие советского государства постепенно возникали простые формы международных связей в области исторической науки: обмен книг, архивные поездки, личные научные контакты, переписка между учёными, переводы и более или менее регулярная информация о работах другой стороны. Историки разных стран – Ф. А. Гольдер, Александр Каун из США, Отто Хёч, Мартин Винклер, Эдуард Мейер, Карл Штелин из Германии, Хальдан Кут, Эдвард Булль из Норвегии – выражали желания более организационного сотрудничества.

Не случайно первый сенсационный шаг советских историков в международную общественность осуществился в Германии, в той стране, которая в 20-е годы имела наиболее тесные связи с СССР. В 1927 г. Германское Общество по изучению Восточной Европы пригласило главу советских историков – М. Н. Покровского в Берлин для чтения лекций. Покровский согласился, но сделал дополнительное предложение, чтобы Общество пригласило целую группу советских историков во главе с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Покровский очевидно хотел использовать приглашение и достичь представление советской историографической науки широким фронтом за границей. Чтобы облегчить высупление большой группы марксистских историков под покровительством немарксистского Германского Общества по изучению Восточной Европы он учитывал интерес Общества к контактам с буржуазными историками СССР и предложил как компромис включение некоторых немарксистских учёных в советскую делегацию. Предложение провести „неделю советских историков” в Берлине таким образом исходило с советской стороны. Вицепрезидент Общества по изучению Восточной Европы Отто Хёч с этим был согласен, но другие силы в руководстве Общества хотели ограничить число приглашенных историков. При таких обстоятельствах стало решающим для осуществления проекта „советской исторической недели”, чтобы советская сторона ускорила подготовку. Покровский 9.01.1928 г. сразу поблагодарил О. Хёча за официальное приглашение и оценил

его как ценное показательство не только для него, но и для всех историков материалистического направления, что их идеи начинают интересовать широкие круги исследователей¹.

Политическое руководство подготовки „недели“ со стороны СССР было поручено Покровскому и Луначарскому. Тщательно они составили делегацию, соблюдая, чтобы „историческая наука Союза была представлена марксистскими силами или им близстоящими историками а не националистами, монархистами и т.д.“² Важную политическую задачу Покровский видел в том, чтобы на выставке исторической литературы во время „недели“ были видны не только „Россия“, но и другие советские республики. Официальное название „Неделя русских историков“ показало, что в Обществе недооценивали достижений советской национальной политики. По инициативе Покровского были поэтому включены в подготовку „недели“ наркоматы просвещения Украинской, Белорусской и Грузинской ССР. В сложных переговорах с немецкими организаторами, которые хотели пригласить немарксистских историков было достигнуто право советской стороны определить состав делегации. В том большая заслуга Луначарского, который в марте 1928 г. в переговорах в Берлине мог преодолеть все препятствия.

„Советская историческая неделя“, состоявшаяся в июле 1928 г. в Берлине, имела большое политическое значение. После известного охлаждения немецко-советских отношений в связи с Шахтским делом в первое полугодие 1928 г. эта „неделя“ явилась важным вкладом в улучшению этих отношений.

Свидетельством этого был огромный интерес общества к „недели“. В открытии её принимали участие и выступали с речами советский посол Н. Н. Крестинский и прусский министр науки, искусства и просвещения Карл Хейнрих Беккер. В приёме советского посла по поводу „недели“ принимал участие рейхсканцлер Херманн Мюллер и министры, депутаты рейхстага, деятели хозяйства.

„Неделя советских историков“ в Берлине имела важные результаты: 1) надо было признать историков СССР как научных исследователей. Невозможно было их фундаментальные научные доклады диффамировать как чистую партийную пропаганду; 2) было продемонстрировано превосходное состояние советских архивов, что привело к договору об архивном обмене между Центральным архивом СССР и Прусским архивным

¹ Отдел рукописных фондов института истории СССР АН СССР, Москва, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 19, л. 3.

² Там же, ед. хр. 163, л. 120; ед. хр. 228, л. 4. Подробно см.: L.-D. Das erste Auftreten der sowjetischen Geschichtswissenschaft in der internationalen Arena. Die sowjetische Historikerwoche 1928 in Berlin, [in:] *Jahrbuch für Geschichte*, Bd. 17, Berlin 1977, с. 237–265.

управлением; 3) было опровергнуто, участием такого маститого учёного, как С. Ф. Платонов, утверждение о выключении буржуазных историков из научной жизни. Когда некоторые месяцы позже были репрессированы профессора немарксистского направления в СССР, это имело отрицательные последствия и на международные контакты марксистской советской исторической науки; 4) „неделя” доказала достижения советской национальной политики участием украинских и белорусских историков и выставкой исторической литературы этих республик. В „недели” участвовали тоже историки из Грузинской ССР; 5) „неделя” стала исходным пунктом прямого сотрудничества советских и немецких историков при издании многотомной советской документальной публикации „Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств”³ на немецком языке; 6) „неделя содействовала тому, что в августе 1928 г. на VI Международном Конгрессе Историков принимали историков СССР в Международный Комитет исторических наук и признали их как единственных представителей русской исторической науки и таким образом эмигрантским историкам не дали официального представительства на конгрессе.

VI Международный конгресс историков в Осло был первым конгрессом, на котором выступили советские учёные. На V Конгрессе в Брюсселе в апреле 1923 г. принимали участие тогда стоящие на немарксистских позициях историки В. В. Бартольд, Е. В. Тарле и Н. П. Оттокар, но не как представители СССР, а Российской Академии наук. Вообще конгресс в Осло был первым научным конгрессом, на котором присутствовала такая большая делегация советских обществоведов. Десять от одиннадцати членов делегации были марксисты. (В Берлине среди десяти советских участников были ещё четыре немарксистских учёных). Советская делегация в Осло своим выступлением более чётко чем в Берлине демонстрировала новый профиль исторической науки в советской стране. Она активно влияла на обсуждения на конгрессе и таким образом принуждала мировую историческую науку считать с марксистским направлением.

Участие советских историков на конгрессе в Осло имело не только научное, но и политическое значение для советской внешней политики. И так норвежский король во время приёма на конгрессе в беседе с советскими историками высказался за дальнейшее развитие советско-норвежских отношений, особенно в области культуры. В связи с этим играет известную роль обстоятельство, что в эти годы во главе советских

³ Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente aus den Archiven der Zarischen und der Provisorischen Regierung, 16 Bd., Berlin 1931–1943.

историков стоял представитель правительства – М. Н. Покровский (был заместителем наркома просвещения по научной работе). Беседы иностранцев с ним приобретали таким образом сразу официальный характер. Для политического действия международных выступлений советских историков было важным и их тесное сотрудничество с советскими дипломатическими представителями в соответствующих странах. Например, Покровский предложил как официального представителя СССР на конгрессе в Осло А. М. Коллонтай, тогда полпреда Советского Союза в Норвегии. В основу этого предложения в первую очередь не её компетенция как историка, хотя она явилась автором книг по истории революционного женского движения, а её богатый дипломатический опыт⁴. Она вместе с сотрудником советского посольства в Норвегии С. М. Мирным помогла советской делегации в ходе её подготовки к конгрессу и помогла Покровскому найти правильный подход к Президенту Международного комитета исторических наук и председателю организационного комитета конгресса в Осло, норвежскому историку Хольдану Куту. В следующие годы Луначарски, уже на дипломатической службе, принимает активное участие в комиссии для преподавания истории. Его избрали тоже в подкомиссии для анализа учебников истории стран-членов МКИН.

Само собой разумеется, что факт выступления советских историков как в Осло, так и в Берлине требовал подробного рассмотрения, чтобы использовать опыт этих форумов для дальнейшего упрочения международных научных связей СССР. Итоги конгресса в Осло обсуждались на заседании Коммунистической академии, на совещании Общества историков-марксистов и на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, где выступил Покровский. 4.10.1928 г. на заседании Общества историков-марксистов выступил Н. М. Лукин с докладом о Международном конгрессе историков в Осло⁵.

В этих выступлениях отмечалось положительное значение участия советских учёных в международных конгрессах: советская историческая наука получила возможность оказывать влияние на широкие общественные круги за рубежом; появилась возможность лучшего изучения новейших направлений и течений буржуазной историографии. Самокритично подчеркнули участники конгресса, что они не использовали все данные возможности. Главную причину они видели в известной неподвижности из-за неудовлетворительной подготовки на свободную дискуссию. Требовалось точное знание главных тезисов немарксистской

⁴ ОРФ ИИ СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 404, л. 6.

⁵ См.: М. Н. Покровский, *О поездке в Осло*; он же: *Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов*, [в:] *Исторические науки и борьба классов*, (Историографические очерки...), Москва-Ленинград 1933.

исторической мысли, превосходное иностранных языков и надёжное владение техникой научной работы. Что касается языков, выступления советских историков впечатляющие: в Берлине из двенадцати докладов десять читали на немецком языке. В Осло и в Варшаве в 1933 г. на VII Международном конгрессе историков они говорили на французском, английском или немецком языках. Президент Белорусской Академии наук П. О. Горин выступил в Варшаве как единственный оратор на польском языке при том о колониальной политике царской России по отношению к Польше. Это вызвало тёплые симпатии польской общественности. Польские учёные попросили Горина повторить свой доклад перед более широкой аудиторией.

В Осло советские историки упустили одну возможность для усиления влияния советской исторической науки – совместные действия с историками ряда славянских стран. Склонность к сближению с советскими историками проявляли учёные Болгарии и Югославии. „Мы могли бы – отмечал Покровский – несомненно, при немного большей бойкости с нашей стороны организовать этих славянских историков около себя”⁶.

Кульминационным пунктом деятельности советских историков в МКИН в 30-е годы является их участие в VII Международном конгрессе историков в августе 1933 г. в Варшаве. Маленькая советская делегация (В. А. Волгин, Н. С. Державин, Н. М. Лукин, П. О. Горин, А. М. Панкратова, Ф. П. Преображенский) очень активно влияла на ход конгресса. Их доклады к экономическим, социальным и революционным процессам были очень актуальные. В секциях по методологии, по преподаванию истории, по современной истории они в прениях вели убедительную полемику против немарксистских теорий истории.

Варшавский конгресс ещё раз доказал возможность и пользу встреч историков различных мировоззрений, и вместе с тем он показал, что все попытки исключить на этих встречах дискуссию по основным методологическим и политическим вопросам обречены на провал. Кроме того Варшавский конгресс вновь продемонстрировал, что участие советских учёных в международных совещаниях имеет положительное значение для укрепления государственных, культурных и научных связей между страной, принимающей гостей и Советским Союзом.

После подписания советско-польского пакта о ненападении 25.06.1932 г. наблюдался подъём советско-польских связей во всех областях. Это нашло своё отражение в дружественном приёме советской

⁶ Он же, *Классовая борьба и „идеологический фронт”*, [в:] *Исторические науки и борьба классов*, с. 366.

делегации польскими историками, польской прессой, а также польским правительством. По приглашению жителей района Варшавы – Жолибожа некоторые члены делегации с успехом выступили с докладами в этом варшавском рабочем районе. Н. М. Лукин сделал доклад „Маркс как историк”, В. А. Волгин – „Академия наук и социалистическое сиротство”, А. М. Панкратова – „Основные проблемы истории пролетариата в СССР”.

Выступление советских историков в Варшаве пресекало цель содействовать дальнейшему улучшению польско-советских отношений. После возвращения в Советский Союз делегация нанесла визит польскому послу в Москве, чтобы поблагодарить за гостеприимство. При этом посол Польши – как с тревогой отметило немецкое посольство в Москве – высказался за укрепление и расширение культурных связей между обеими странами⁷.

Сложная международная обстановка накануне второй мировой войны, нарастание фашизма во многих странах Европы, усиление реакционных течений в официальной исторической науке многих государств, а также репрессии в СССР против историков, которые участвовали в международном сотрудничестве (Лукин, Горин, Фридланд) прервали после 1936 г. участие советских историков в МКИН до 1955 г.

Развитие международных научных связей Советского Союза именно в 20-е и 30-е годы показало, что интернациональное сотрудничество в области наук стоит, несмотря на относительную самостоятельность в тесной связи с общим отношением между государствами. Научное сотрудничество может способствовать политическим отношениям, но в большей мере последние влияют положительно или отрицательно на межгосударственные научные связи.

Lutz-Dieter Behrendt

WKŁAD HISTORYKÓW
W ROZWÓJ MIĘDZYNARODOWYCH ZWIĄZKÓW NAUKOWYCH ZSRR
NA PRZEŁOMIE LAT DWUDZIESTYCH I TRZYDZIESTYCH

Autor przedstawia pierwsze próby historyków radzieckich prowadzące do włączenia się ich do międzynarodowego środowiska historycznego. Zmiana ustroju społeczno-politycznego w Rosji przerwała znaczącą obecność rosyjskiej nauki historycznej w skali międzynarodowej.

⁷ См.: Записки немецкого посольства в Москве от 26 октября 1933 г., Zentrales Staatsarchiv Potsdam. Deutsche Botschaft, Moskau, Nr 405, Bl. 165.

Zbliżenie polityczne Rosji radzieckiej i Niemiec po Rapallo umożliwiło nauce radzieckiej wyjście z izolacji i częściowe przywrócenie międzynarodowych kontaktów naukowych.

W 1927 r. Niemieckie Towarzystwo do Badań Europy Wschodniej zaprosiło znanego rosyjskiego (i potem radzieckiego) historyka M. W. Pokrowskiego do wygłoszenia serii wykładów w Berlinie. W lipcu 1928 r. zorganizowano w Berlinie „radziecki tydzień historyczny”, który był okazją do przedstawienia dorobku, a przede wszystkim nowej metodologii badań historycznych stosowanej przez radziecką naukę, zaowocował konkretnymi ustaleniami o prowadzeniu dwustronnej współpracy archiwalnej i wydawniczej.

Zaostrzenie sytuacji międzynarodowej w latach trzydziestych, a w szczególności represje stalinowskie wobec historyków radzieckich aktywnie uczestniczących dotychczas w międzynarodowym życiu naukowym przerwały od 1936 r. obecność ZSRR w Międzynarodowym Komitecie Nauk Historycznych (aż do 1955 r.).